

МАКОТО

ОДА

ХИРОСИМА

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
АМАНАТ

Л 2006

4725к

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АБАЙ КЛУБЫ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ АБАЯ
ABAI INTERNATIONAL CLUB

**Редакционный Совет Библиотеки
журнала «AMANAT»**

Роллан Сейсенбаев

(Казахстан) —

Главный редактор — Председатель Совета

Абиш Кекильбаев

(Казахстан)

Алтынбек Сарсенбаев

(Казахстан)

Анатолий Ким

(Россия)

Аятолла Хьюбш

(Германия)

Валентин Распутин

(Россия)

Имангали Тасмагамбетов

(Казахстан)

Клара Серикбаева

(Казахстан)

Кэндзабуро Оэ

(Япония)

Леон Робель

(Франция)

Мырзатай Жолдасбеков

(Казахстан)

Мурат Ауэзов

(Казахстан)

Мухтар Кул-Мухаммет

(Казахстан)

Олжас Сулейменов

(Казахстан)

Пентти Холоппа

(Финляндия)

Чингиз Айтматов

(Кыргызстан)

**10-летию Республики
Казахстан посвящается**

小田実のアジア紀行

• Abai international club •

МАКОТО ОДА

ХИРОСИМА

РОМАН

• Международный клуб Абая •

Алматы • 2005

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «АМАНАТ»

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

ББК 84 (5 Япо)
О-40

Проза XX века

Выпускается по программе Комитета
информации и архивов Министерства культуры,
информации и спорта
Республики Казахстан

Рекомендовано Министерством образования
Республики Казахстан в качестве учебного
пособия для дополнительного образования

Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

Дизайн и верстка
Назара Оралбай

Текст печатается по изданию:
Москва, «Художественная литература» 1985

© Макото Ода
Хиросима

© 2005 г. 280 стр.

О 4703020100
00(05)-05

ISBN 9965-611-47-5

КНИГА — САМЫЙ ТЕРПЕЛИВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Перед человечеством сегодня стоят три глобальные задачи: это — защита м и р а, защита д у х о в н о с т и и защита п р и р о д ы. Все они — главные условия нашего дальнейшего существования. Каждая из них неполна одна без другой. От этих трех начал зависит обеспечение грядущего не только Казахстана, но и всего мира.

Гамлетовский вопрос «быть или не быть» относительно к завтрашнему человечеству будет стоять перед нами вечно, если мы не прислушаемся к голосу благоразумия.

Техническое развитие в мире шагнуло далеко вперед, благодаря чему человек стал расточителем в использовании природных ресурсов, созидательная энергия человека растрачивается попусту, и он утрачивает способность содержать богатейший океан культуры и мысли, накопленный предыдущими поколениями.

К сожалению, мы далеко не в полной мере осознаем это. Интеллектуальный и идеологический вакуум уводит людей в сторону от восприятия реальности, низвергает его в пучину разложения — морального, нравственного, духовного.

Третье тысячелетие требует от нас утверждения гармонии в нашем общем доме — ЗЕМЛЯ.

Книга — в своем первозданном, высоком и единственном, священном и одухотворенном, значении — является всесильным оружием человека в защите культуры и духовности.

Книга несет человечеству знания и просвещенность.

Книга хранит в себе тайны бытия рода человеческого.

Книга — плод человеческой мысли, наделенный дыханием времени и пространства.

Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может научить, как двигаться вперед, как избежать катаклизмов и как взбираться на вершины человечности.

Книга — самый терпеливый учитель.

И только книга может научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь.

Для человека мыслящего нет ничего дороже книги!

200-томная Библиотека журнала «АМАНАТ» Международного клуба Абая посвящена 10-летию независимого Казахстана.

Мы оставляем будущему своей страны — молодежи — единственное и наиболее полное завещание — Книгу.

Поддерживаю благородный поступок Клуба Абая.

Я искренне рад начинанию видного писателя Роллана Сейсенбаева в создании журнала «АМАНАТ» и 200-томной Библиотеки журнала.

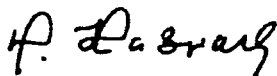
Уверен, что истинные патриоты страны поддержат и помогут его стремлениям служить культуре и духовности Отчизны.

Желаю новому изданию внимательного и благодарного читателя.

Поздравляю казахстанцев с выходом первых томов Библиотеки журнала «АМАНАТ» — литература, искусство, история и философия, образование и религии народов мира.

Любите, берегите и будьте преданы книге.

Нурсултан Назарбаев
Президент Республики Казахстан

14 марта 2001 г.
Астана

ПИСАТЕЛЬ — ДУХ НАРОДА

Япония — уникальная страна. Древнее чудо. Глубоки и прочны старые национальные японские корни. Видел красавицу с гравюр Утамаро в свете золотистого осеннего солнца среди утренних маков. Нежный бамбук и волну Хокусаи. Распластанную сосну, на картинах Сессю... Яркие медные мандарины на склонах гор. И, конечно же, величественную Фудзияму.

В городе Осака выдающийся писатель, общественный деятель и просто мудрый человек Макото Ода пригласил меня к себе в гости, пригласил также знаменитую переводчицу Казуко-сан, которая, перевела на японский язык мою повесть «День, когда рухнул мир» для журнала «Асахи».

Недалеко от дома писателя колыхалось, бурлило Японское море...

Мы сидели у него до неприличия долго. Главный специалист Японского фонда содействия культуре Масанори-сан устал переводить наш нескончаемый диалог. Макото-сан читал отрывки из своего полифонического романа «Река». Это была неторопливая беседа о жизни, о политике, о роли писателя в жизни общества.

Среди современных писателей Японии Макото Ода занимает свое особое место. Его творчество привлекает внимание прежде всего оригинальностью художественного видения. Каждая новая книга писателя — открытие новых неизведанных граней бытия. Макото Ода — художник определенного социального и духовного климата, он поднимает в своих романах острейшие проблемы, стоящие перед человечеством. Дарование художника сочетается у него с аналитическим складом ума. В его произведениях обнаруживается широта взглядов человека, внимательно следящего за развитием философской, социологической и естественнонаучной мысли бурного нашего века. Именно поэтому книги Макото Оды обладают значительным интересом.

Роман «Хиросима» с полным основанием может быть назван эпопеей. Хиросима — это не просто город, а символ, имеющий общечеловеческий смысл.

Роман разворачивает перед нами широкое полотно жизни различных слоев населения США и Японии.

В эпопее Макото Оды перед нами проходит вереница героев разных национальностей — индеец Чак, американский негр Пол, белый американец Джо, девушка из Хиросимы Кикуюко, ее жених поручик Хасида и многие другие.

Сложно переплестя их судьбы, Макото Ода очень убедительно показывает, что чудовище, имя которому милитаризм, и способствующие ему расизм и шовинизм разрывают нормальные связи между людьми, натравливая друг против друга народы, разрушают их жизни, раскалывают мир атомной бомбой.

Для воссоздания своеобразной хроники хиросимской трагедии писатель, по его словам, изучил все, связанное с бомбардировкой: воспоминания очевидцев, их дневники, записи, медицинские карты многих пострадавших от атомной бомбы, газетные вырезки статей, касавшихся этой проблемы, стенограммы различных митингов, посвященных памяти жертв Хиросимы и Нагасаки.

Японцы в подавляющем большинстве своем желают одного — предотвратить ядерную катастрофу. В борьбе за это активно участвуют миролюбивые силы страны. В их рядах прогрессивно настроенные японские литераторы. В 1982 году в своем обращении к Президенту США они писали: «Мы, прошедшие через испытание Хиросимы и Нагасаки, - говорилось в частности, в этом обращении, - считаем своим долгом перед человечеством сделать все, что в наших силах, чтобы не допустить опустошения нашей планеты ядерной войной».

“Японская литература обостряет свое внимание на исследовании души человека. Задача писателя писать о серьезных общественных проблемах, рассуждать и искать ответы на поставленные вопросы вместе с читателем. Писатель — дух народа”, — считает выдающийся писатель Японии Макото Ода.

Роллан Сейсенбаев

I

рерия — отличное место для бега. И Джо всегда там бегал. Вероятно, несколько человек из городка наблюдали за ним. Потому и пришло к нему прозвище: «Бегун».

Ему приходилось иногда ездить по дороге через прерию на старомодном громоздком грузовом «форде». И каждый раз, добравшись по пологой каменистой дороге до невысокого холма (он решил для себя, что именно там сердце прерии), Джо глушил мотор, не спеша справлял малую нужду, повернувшись в сторону лилового горного хребта, вершины которого тускло светились шапками снега, скидывал рабочие башмаки из грубой кожи, надевал легкие парусиновые кеды, и, сбегав с холма, устремлялся в прерию, словно собираясь пересечь ее в один миг.

Прерия носила название Белые пески, но песков там, да еще белых, не было и в помине, — только грязновато-коричневая бесплодная земля, которой, казалось, нет конца. Лишь кое-где пробивались кустики невысокой, жесткой зеленой травы. А так везде был твердый, как бетон, голый грунт, на котором не росло ни деревца, ни травинки. Слишком твердая земля, чтобы называться «песками». Однажды он захватил с собой лопату и попробовал воткнуть в землю, но, при том, что сил у него было хоть отбавляй, лопата лишь слегка сковырнула верхний слой; стоило ему выпустить черенок из рук, как она тут же упала на землю.

Прерия была усеяна камнями. Словно кто-то, размахнувшись, раскидал их веером по равнине. Кто? Мчась по прерии, Джо чувствовал Бога. Иногда, по воскресеньям, он ходил в церковь. Рано утром выезжал в городок на стареньком «форде», оставляя позади ранчо, на котором жил и работал. В таких случаях его хозяин — Джон — говорил не то с одобрением, не то с насмешкой: «А ты, я гляжу, парень благочестивый». Но, на самом деле, Джо заглядывал в церковь из-за девушек: болтал с ними, разряженными краями, назначал свидания. Да и какой Бог согласился бы поселиться в этом тесном, крохотном храме?! Не было Бога и в проповедях пастора, которые этот еще совсем молодой, но явно страдающий астмой человек произносил сильным голосом. Бог должен быть огромен и велик, под стать самой прерии, и столь же неприступен и тверд, как подобная бетону здешняя земля. И что может быть общего у него с этими расфуфыренными девицами... Богом для Джо была прерия — наверное, как для индейцев, которые до сих пор жили в ее отдаленном уголке, упорно цепляясь за землю предков.

Летом прошлого года Джо попал в ливень со страшным громом и молниями. В той части прерии, где он находился, от грозы укрыться было негде. Единственное, что он мог сделать, это ничком броситься на землю. Вдруг что-то больно хлестнуло по щекам — дождь сменился градом. Воздух, казалось, наполнился электричеством, в ушах зашумело, и, хотя голова его была прижата к земле, он почувствовал, что волосы встали дыбом. «Конец!» — подумал он. И в тот же миг его

левая рука, безвольно лежавшая на земле, вдруг дернулась, с какой-то невероятной силой вырвала из брюк ремень и отбросила его прочь. Так далеко его не могла бы отбросить даже правая, более сильная рука, и когда пряжка со звоном ударилась о камень, яркая вспышка пригвоздила ее к земле. Еще раньше он снял с себя все металлическое, но забыл о пряжке с изображением орла. Молния метила точно в пряжку и не промахнулась. Позже он рассмотрел, что только клюв у орла надломился, на самом же ремне не было ни единой опалины.

Но не только тогда ощутил он Бога в прерии. Когда он несся по прерии, где даже птичий щебет не нарушал тишины, ему казалось, что земная твердь, слегка приоткрывшись, что-то шепчет ему. Тогда он останавливался, как вкопанный, и напрягал слух, но, разумеется, не слышал ни звука — плотный слой вековой тишины окутывал прерию. В такие минуты над ним, стоявшим в оцепенении, пролетал клин диких гусей. Гуси летели довольно высоко, он отчетливо видел, как они машут крыльями, но звук достигал земли. Гуси плыли по небу, словно в немом фильме, и какое-то время виднелись в прозрачном пространстве прерии, а потом вдруг растворились, будто кто-то взял и стер их с неба. Джо гордился своим зрением — он читал самый нижний ряд таблицы — но, видно, и для него существовал предел, и все же ему казалось, что за этим пределом гуси, обессилев, падали вниз — прерия слишком широка, чтобы птицы могли ее пересечь.

И тогда еще более отчетливо, чем в грозу, у него появлялось чувство, что прерия — это и есть Бог. Нечто невыразимо могучее, огромное, словно бескрайние просторы прерии, пронизывало все его существо, стесняло дыхание, пригибало к земле.

Прижатый к ней, человек, должно быть, начинает видеть Бога. Или же сам превращается в божество. Но вместо того, чтобы стать божеством, он бежал, бежал, отталкиваясь ногами от твердого, словно бетон, грунта. Тело становилось до удивления легким, он отскакивал от твердой земли, точно камешек, брошенный в прерию, — они валялись здесь повсюду.

Какая неведомая сила разбрасывает их?

Конечно, бег не был его единственным занятием.

Он много трудился. Работал на ранчо. Работа скотовода неотделима от лошадей. Был он неплохим ковбоем, хоть, может быть, и не столь искусным, как его старый босс — Джон. Ловко выделывал трюки на родео, иногда поражая своим мастерством выдавших виды фермеров постарше. И все же главным средством передвижения был для него все тот же огромный старый «форд». Джон купил его более десятка лет назад, и с тех пор машина здорово поизносилась. Когда мотор не заводился — а это бывало частенько,— он грохал кулаком по приборной панели и орал: «Черт бы тебя побрал, старая развалина, не будешь слушаться — продам!» — и, как ни странно, мотор тут же заводился и «форд» трогался с места.

Машина была крепкой, и он пробовал ездить на ней не только по ранчо, но и по прерии. Он мчался на грузовике по твердой, как бетон, земле, и камешки разлетались из-под колес во все стороны. В такие минуты ему казалось, что это он сам бежит по прерии. «Ну и рожки ты строишь!»—бросил ему Джон, сидевший с ним рядом. Видно, такое же выражение было у него, когда он бежал по прерии,— восторг и слезы. Однажды, задетый за живое, он решил взглянуть в зеркало. Конечно, на бегу. И увидел, что он будто бы и плачет, и смеется одновременно.

На сиденье в кабине всегда валялось несколько револьверных патронов, а рядом с рулем, в самодельной кобуре, висел большой кольт. Из таких кольтов полисмены в городе стреляют по гангстерам, но в здешних местах не было полицейских, и поэтому каждый защищал себя сам. Джо еще не обзавелся кольтом, а вот Джон имел лицензию полицейского, и, появившись на ранчо грабитель, он мог арестовать его или, без особых раздумий, пристрелить. Джон, в общем, человек незлобивый, но при случае способен был проявить беспощадность — в этом Джо убедился за два с лишним года, когда они вместе жили на ранчо. Джон не терпел малейшей оплошности или задержки в работе. В последнее время, правда, этого почти не случалось, но раньше, когда Джо только приступил к работе, кулак Джона не раз прикладывался к его носу. Правда, сразу же после этого Джон молча протягивал ему сига-

рету. Ему было чуть за шестьдесят. Но возраст не сказан на его здоровье — широкие плечи, крепкое тело. Семьи у него не было, или, точнее говоря, ее не было в данный момент на ранчо. «Говорят, у вас трое детей?» — спросил как-то Джо, вспомнив услышанное случайно в городском баре «Золотой орел». (Над входом в бар распластал крылья лысый орел из позолоченного дерева; пряжку с изображением орла, которая спасла ему жизнь, он с большим трудом выпросил у Джека, хозяина бара, специально заказавшего несколько таких штуковин.) Джон смерил его холодным взглядом, так на Джо еще никогда никто не смотрел, лишь процедил: «Не суй свой нос в чужие дела».

Его звали Джон Макдуэлл. Имя довольно распространенное, ничем не примечательное, но он резко выделялся среди остальных скотоводов своей незаурядной внешностью и крупным телосложением. В волосах сквозила седина, но в общем годы пощадили великолепную шевелюру цвета соломы, унаследованную, по всей видимости, от предков по материнской линии, которые переселились в Америку из какой-то скандинавской страны. Джон рассказывал, что его дед со стороны отца приехал из Шотландии и что в Скандинавии есть фиорды — тихие, похожие на тесные ущелья, заливы с водой темно-голубоватого цвета, того же, как и глубоко посаженные глаза Джона. «У моего хозяина такие глаза потому, что предки его каждый день смотрели в водную гладь фиордов». Эта по-детски наивная мысль пришла ему в голову после того, как в журнале «Вестник Национального географического общества», который выписывал Джон, он увидел снимок такого фиорда. Когда он высказал свою мысль вслух, Джон только фыркнул, но ничего не сказал насчет того, что не следует совать нос в чужие дела.

Ему было чуть больше семнадцати лет, когда он нанялся на ранчо, расположенное в полчасе езды от городка. С тех пор прошло два года, но эти два года стоили десятка лет в более зрелом возрасте. Он сделался настоящим скотоводом, носил грубые, но прочные сапоги домашнего изготовления, ступал тяжело, слегка подавшись вперед. Такая походка позволяла быть всегда начеку: например, если бы лошадь поблизости вдруг

понесла, он мог бы ее тут же остановить. Такая же походка была и у Джона, Джо как-то незаметно перснял ее, пока трудился рядом с хозяином, поэтому, когда они шли вместе, казалось, что это отец и сын. Может быть, такое ощущение возникло и у Джона. Как-то так получилось, что он стал звать его «сынком», правда, когда бывал в хорошем настроении.

Джон по натуре добряк, но в работе — зверь. К тому же он молчалив. «Настоящий ковбой из вестерна!» — так всегда думал о нем Джо. С работником не разводил церемоний — на ранчо никто не мог продержаться более трех месяцев. Сам Джо родился в соседнем штате в небольшом городке, милях в ста отсюда, и попал к Джону с легкой руки Эла, заправщика на бензоколонке. Эл обслуживал его, когда Джо проезжал на своей старой развалине через их городок. Эл был родом из этих мест и слыл «бродягой» (так, по крайней мере, всегда называл его Джек, хозяин «Золотого орла») — объездил всю Америку, работал и в Нью-Йорке, и в Сан-Франциско. Когда Джо полушутя, полусерьезно поинтересовался, нет ли здесь какой-нибудь работенки, Эл, протирая стекла его «старушки», многозначительно откашлялся — была у него такая привычка, явно неуважительная по отношению к собеседнику — и только после этого ответил: «Есть-то есть...» — и умолк. Он имел в виду ранчо Джона. Потом, когда они стали друзьями, Эл закончил свою фразу, которая тогда застряла у него в горле: «...но не знаю, долго ли ты там продержишься».

И то, что Джо так и остался на ранчо у Джона, было просто его капризом. Хотя, живя после смерти родителей на попечении старшего брата, имевшего свою семью, Джо действительно искал работу, но «надо же — столько выбирать и выбрать Джона!» — это ему уже потом сказал со смехом все тот же Эл. «Я думал, ты и трех дней не выдержишь».

И вот уже не три дня, а два года. Честно говоря, появлялось у него несколько раз желание плюнуть на все: «Ну его к чертям, брошу все и уйду!» Такое настроение возникало после того, как Джон давал ему выволочку, и все-таки Джо оставался, причем вовсе не из упрямства. В глубине души он признавал, что сам виноват. Так бывало, когда он работал спустя рукава.

Если же он старался, но допускал промах, Джон только хмурился, но не ругал. К тому же Джон был, что ни говори, скотоводом первоклассным — вернее, высшего класса. Джо убедился в этом, прожив на ранчо вместе с Джоном всего лишь несколько дней. «Ладно, я выманю у него секреты!» — думал он. Он решил понаблюдать, как работает Джон, и у него поучиться.

Джо считал, что в любом деле может показать себя настоящим мужчиной. И потому способен понять великолепного ковбоя и кое-что у него перенять. Конечно, у настоящего мужчины всегда есть свои странности. Были они и у Джо. Вот и получилось, что в одной берлоге, именуемой ранчо, живут вместе два чудака.

Когда Джон обращался к нему «сынок», он никогда не отвечал ему «отец». Тем более «папочка». Он звал его только Джоном. Иногда прибегал к официальному «мистер Макдуэлл». Так бывало, когда Джон безо всяких на то оснований выходил из себя. «Раз Джон угрюм и со странностями, то почему бы и мне не быть таким? — размышлял он.— Ведь я во всем хочу быть первым».

Ферма была не из крупных. Шестьдесят коров, десять лошадей, двадцать овец, сто акров кукурузного поля — хозяйство не бог весть какое. Работали вдвоем и в общем управлялись, только в период сбора урожая занимали индейцев из окрестных резерваций, и мексиканцев — чиканос, тех, что нелегально переходили через границу с юга, из Мексики. С индейцами случались неприятности — они пили без меры, а напившись, хватались за ножи и устраивали драки. Чиканос были терпеливее, сдержаннее в проявлении чувств и, может быть, поэтому спокойнее. Случалось, правда, мексиканцы выходили из себя, и это кончалось взрывом. Один чиканос как-то замахнулся на Джона домкратом. Иногда приезжал человек из иммиграционного бюро и увозил кого-нибудь из них. Джек, хозяин «Золотого орла», всегда говорил, что этого можно было бы избежать, если «дать на лапу», но Джон не был на это способен. Чиканос не особенно грустили, когда их выдворяли подобным образом. «Мы еще придем!» — хладнокровно говорили они, и действительно, наступал новый сезон, и они снова появлялись на ранчо. «Вот мы и пришли!» — те, кто хоть немного выучил английский язык, произ-

носили эту фразу на южном диалекте, те же, которые бывали в Штатах много раз, но так и не потрудились запомнить хоть несколько слов, лишь пожимали плечами и улыбались.

Но сколько ни приходило индейцев и чиканос, основными работниками были Джо и Джон. Так оба они считали. И мысль эта их объединяла. Вставали они рано, в пять часов, и трудились до изнеможения, пока солнце не опускалось за горный хребет, окутанный лиловой дымкой. Работали молча. Работы было невпроворот: ухаживать за дойными коровами, подгонять ленивых индейцев и чиканос на кукурузном поле и даже разнимать их во время драки, готовить пищу. Если ломалась машина, приходилось чинить ее самим. Ведь не станешь же, как в городе, звонить в авторемонтную мастерскую. Джон и в этом отношении был молодцом и однажды за пять часов отремонтировал большой «форд», который сломался исключительно по вине Джо, из-за его нелепой оплошности. Сначала сам Джо долго возился с грузовиком, но махнул рукой, так и не сумев исправить его.

— Поздравляю! Здорово сделано! Молодчина! Пора открывать авторемонтную мастерскую! — принялся он подтрунивать над Джоном и, разумеется, получил в благодарность зуботычину, но поскольку такой ответ не был неожиданным, он, уподобившись опытному боксеру, ловко увернулся и нарочно упал на землю.

— Ого, ты знаешь приемы! — Джон посмотрел на него, как на сына, который вырос и с ним уже не так просто сладить.

— Пожалуй...—угрюмо кивнул Джо.

Однажды посреди прерии Джо встретился с девочкой-индианкой, которая медленно шла ему навстречу. Девочка была словно из вестерна — с двумя косичками, лет тринадцати—четырнадцати. В ярко-красных предзакатных лучах солнца волосы ее отливали удивительным черным блеском и потому казались мокрыми. Может быть, они и в правду вымокли под недолгим ливнем, который только увлажнил каменистую землю, но скорей всего они блестели у нее так от природы. Нельзя сказать, чтобы она была одета совсем по-индейски. Незамысловатое платье, толстые шерстяные носки до колен, обыч-